

СИТУАЦИЯ, в которой оказался мир, это ситуация некой пересменки, промежутка, потому что те цивилизации, которые поддерживали порядок модерна, на сегодняшний день перестали его поддерживать. Советский Союз больше не существует из-за предательства своей верхушки. Запад очень стремительно, на наших глазах, всё дальше уклоняется от миссии поддержания так называемого просветительского проекта, или проекта общества классического модерна, вырождается в антицивилизацию. Китай ещё не успел подойти к подобной миссии.

Мы оказались в странной ситуации, которая для России в гекономической и геостратегической перспективе выглядит как ловушка. Потому что несмотря на то, что сегодня в мире уже нет прежнего гегемона, гаранта неких правил игры, понятных для всех, нигде не делись экономические интересы и интересы, связанные с переделом собственности. Логика двойных стандартов, логика обманной гибридной войны в этих обстоятельствах не ослабевает, а лишь усиливается. Мы в этом плане оказались на разрыве между Востоком и Западом, будучи гораздо менее мощной державой и в экономическом, и в демографическом плане, чем совокупный Запад и нарастающий Китай.

Оказавшись в этой ловушке, мы стоим перед драматичнейшими вопросами: не только военными, даже понимая войну как гибридную, но и чисто идеологическими, ценностными. Надо признать, что мы достаточно далеки как от Запада, так и от Китая, представляя собой самостоятельный мир, который в значительной степени растерял свою самость и очень долго не может её обратно собрать. Попытки подпитаться опытом с Запада или из Китая неудовлетворительны. Хотя если говорить о китайской модели, то в недрах нашего Изборского клуба есть весьма успешный опыт такого рода — в первую очередь опыт академika Глазьева. Глазьев строит доктрину "государства развития", опираясь на пронырские успехи азиатских держав в формировании нового мирохозяйственного уклада.

Эта доктрина полезна для современной России, потому что она показывает, что магистральное русло, в котором движутся страны Юго-Восточной Азии (в первую очередь Китай и Индия). Многие черты того интегрального строя, который там формируется, для нас как минимум поучительны, а может быть даже в чём-то могут рассматриваться как образцы. Притом правы те эксперты, которые говорят, что эта грядущая модель мирохозяйственного уклада, новая социальная парадигма XXI века отличается от предыдущих тем, что в каждой цивилизации она проявляется по-своему, и каждая цивилиза-

Ось «Восток — Запад»

Виталий АВЕРЬЯНОВ

Ловушка для России

ция в рамках этого уклада находит свои уникальные ответы на основные вопросы, поставленные технологическим, инновационным и общественным развитием.

В этом смысле и Китай, и Запад в чём-то оказываются парадоксально близки друг другу, поскольку то, что сегодня происходит в социальном пространстве информационной революции, а именно: построение так называемого алгоритмического общества на Западе, эскизма, и то, что происходит в Китае — социальный рейтинг, система социального кредита, — оказывается пусть и не одинаковым, но в нескольких ключевых точках заудачным образом совпадающим и при этом противоположным русскому ментальности, можно даже сказать, угрожающим для неё.

Каким мог бы быть русский ответ? Русским ответом должен быть новый меритократический строй, связанный с нашими представлениями о том, что такое подлинная элита, подлинная избранность, что такое творческий дух. Именно с опорой на понимание творческой иерархии могла бы быть построена русская система, альтернативная в данном случае и Западу, и Востоку.

Нужно провести огромную работу, чтобы наши социальные сети превратить в соцплатформы, в полноценные информационные экосистемы. Вокруг них может интегрироваться социальный уклад будущего. Многие черты "государства развития" весьма перспективны, и они совмещаются с основными свойствами современных социальных платформ, в которых принципы кооперации и рынка, плановой системы хозяйства и свободной инициативы парадоксально соединяются. Есть определённая рифма между теми укладами, которые формируются в Азии, и самим духом эпохи информационного общества. И здесь у России тоже могут быть свои конкурентные преимущества.

Для нас Китай является поучительным примером и того, как надо, и того, как не надо действовать. Например, в вопросах построения иерархии общества, опеки над каждым гражданином через искусственный интеллект мы не похожи на китайцев, так же и в вопросах экологического регулирования, обращения с окружающей средой. Но в других принципиальных моментах это для нас некий урок, который показывает, что могло бы произойти с Советским Союзом, если бы не предательство его верхушки.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО сегодняшнего русского человека — он недоверчив, скептически по отношению к любым типам элиты, и отечественным, и мировым. Его стоило обманывать, так часто издевались над ним и меняли правила игры, чтобы ограбить и растлить его, что в нём выработался некий иммунитет против любой версии "великого обнуления", хоть европейской, хоть китайской. Тем более российской. И нашим функционерам не стоит делать оскорблённый вид, когда выясняется, что население не хочет "играть" с ними в их "игры", связанные с цифровизацией, увеличением прозрачности личной жизни, вакцинацией и т.п.

Между тем новый строй и на Западе, и на Востоке, эксплуатируя доверчивость людей и их потребность в государстве как опекуне, демонстрирует такие пугающие черты, как сбор подробнейших идентификационных данных о поведении человека, подавление его "скрытности", вторжение в пространство его свободного выбора ("карты искренности", штрафы для непопавших, ограничения для них, "чёрные списки", поощрение доносительства, порождение "роевых коллективов", направляемых искусственным интеллектом и т.д.).

Нам не нужна эта восточно-западная парадигма социального программирования, мы хотим остаться внутренне свободными людьми, "скрытными", может быть, — да, "скрытными", поскольку нашу доверчивость нещадно эксплуатируют.

Какова могла бы быть геостратегическая альтернатива этой расстки по оси "Восток — Запад"? Специфика положения России такова — и это в самом основании геополитической науки было изложено ещё на заре её возникновения — что мы по природе своей оказываемся на перекрёстке, на соединении разных мировых силовых линий. Для нас всё более актуальной и востребованной становится ось "Север — Юг".

Это концепция Большой Евразии, куда входят не только страны СНГ, но только те союзы, которые уже активно формируются (Евразийский экономический союз, ОДКБ), но и гипотетический союз с такими странами, как Иран, Индия, в перспективе можно рассматривать и Турцию, и Японию, и страны Юго-Восточной Азии, и даже выходить за рамки Евразийского континента. Эта вторая ось гипотетически способна стать балансиром и уравновесить ось "Восток — Запад". Тогда Россия действительно превратится в ключевого оператора на пересечении осей. И именно здесь выход из многих тупиков и ловушек.

В каком-то смысле это стало бы разрубанием гордиева узла, виртуозным решением. В противном случае все союзы, которые мы строим, включая и ШОС, и ОДКБ, остаются в некотором роде слабыми, потому что многие государства-участники этих союзов: и те, которые в них уже вошли, и те, которые сейчас рассматриваются как кандидаты или наблюдатели, — всё время смотрят по сторонам. Кто-то может сместиться обратно в зону влияния Запада, кто-то — безоглядно выбрать Китай как своего покровителя, а кто-то — уйти в усиливающийся исламский мир, в новый халифат.

Все эти союзы могут обрести настоящую силу и полноту только при растущей, усиливающейся России как возрождающемся мировом полюсе. Потому ось "Север — Юг" и оказывается сегодня ключевой, решающей для мировых судеб. В этом смысле я сторонник аккуратного, очень бережного для нашей идентичности и для наших интересов наращивания отношений с Китаем. Безусловно, отношения с Китаем, особенно экономические, должны наращиваться и дальше, они у нас даже и теперь недооценены — из диспропорций в международных экономических связях мы ещё не вышли. Но параллельно с этим наращиванием, восстанавливающим нормальное и гармоничное равновесие, должно начаться выстраивание других опор для будущего России.

ГОВОРЯ О КИТАЕ в свете нынешних отношений этой страны с крупными мировыми державами, нужно отметить, что КНР постепенно занимает позицию центрального противника Соединённых Штатов и в военной сфере. В этом году прозвучало заявление американцев, в частности, со стороны руководства стратегического командования США, адмирала Чарльза Ричарда, о том, что китайский ядерный потенциал может возрасти в течение десятилетия в несколько раз, и в долгосрочном плане Китай может в этой сфере стать для Соединённых Штатов угрозой, сравнимой с Россией, а возможно даже и более серьёзной. Примерно так же воспринимается соперничество с Китаем в военной сфере и по ряду других направлений. Многие из того, что делают Соединённые Штаты не только в военной, но и в политической сфере, связано с нарастающей китайской угрозой и ощущением смещения баланса сил.

С чем связано это смещение? Если смотреть на цифры, номинально у США до сих пор есть значительное превосходство: они тратят на оборону втрое больше, чем Китай: более семисот миллиардов долларов против китайских двухсот с небольшим

жавы, и благодаря вкладу известного китайского военачальника, заместителя председателя Центрального военного совета и командующего ВМС НОАК в восьмидесятые годы Лю Хуацзиня, они начали осознавать себя великой морской державой, и постепенно планы по развитию морского флота были включены в партийные документы.

Для России это очень хорошо. Сухопутные войска НОАК превратились в этакое пасынка, объект постоянных сокращений: они в последнюю очередь получают новую технику, флот забирает все ресурсы, строится действительно мощный, великий флот. Некоторые выступления китайских партийных деятелей можно сравнивать с известной речью — одобренной рейхстагом судостроительной программой германского военно-морского деятеля, гросс-адмирала, командующего флотом Альфреда фон Тирпица, которую тот произнёс, когда немцы вступали в морское соперничество с Великобританией.

И у китайцев в этом плане колоссальное промышленное превосходство.

Второе направление, где происходит мощный рывок, — это стратегические ядерные вооружения. Думается, превра-

Третье — сокращение своих обязательств в остальном мире. Поэтому нужен был этот резкий и неумелый уход из Афганистана. Раз не удалось сломать Иран, надо вернуться к вопросам о том, как с ним договориться. Пока не получается. Рано или поздно придётся договариваться с Россией. Россия и Иран — два важных фактора в этом уравнении, потому что, даже когда они не участвуют в каких-то действиях на Тихом океане, они держат ключи к решению многих проблем. Россия в принципе может в любой момент спровоцировать те или иные события в Европе, даже не прибегая ни к каким военным действиям, совершая демонстративные шаги, которые заставят американцев оставить там войска и не позволят отреагировать на какие-то китайские события. Примерно то же может сделать Иран в своём регионе. Поэтому нынешняя конфигурация для китайцев выигрышна, американцы это понимают, и чем дольше будет длиться война, тем больше для них Украина будет становиться чехомодом без ручки. Таким образом, это важный глобальный аспект.

КАК КИТАЙЦЫ собираются использовать свои вооружённые силы? В число задач их Народно-освободительной армии уже официально включена защита интересов за рубежом. То есть империи с триллионными внешними инвестициями, со множеством китайских граждан, работающих за границами КНР, будут в той или иной степени защищать китайский флот сейчас — это второй флот в мире. Если не принимать во внимание подводные лодки, по своим возможностям, как говорят, "проецирования силы" он далеко превосходит всё, что было когда-либо у СССР. Создана мощная морская пехота, способная превратиться в экспедиционный корпус. Эта составляющая постоянно растёт, и военные моряки КНР будут присутствовать по всему миру.

А после того, как Китай станет в полной мере ядерной державой, противодействовать этому присутствию будет ещё сложнее. Пусть у американцев лучше флот, они, возможно, более опытные, но с этим китайским фактором трудно будет бороться, и в целом баланс сил выглядит для американцев не очень хорошо. Поэтому они пытаются как можно скорее изолировать, отрезать Китай от всех источников технологий. Есть направления, где китайцы самостоятельны, где у них прочные позиции, а есть направления, где они зависят от заимствования технологий и пока мало что могут придумать сами. Технологический конфликт, конечно, выходит на первый план. В США написано огромное количество литературы с описаниями того, где что у китайцев и в каком состоянии. То есть на каждом направлении развития китайских науки и техники сидят американцы — изучают. И стратегия этой технологической войны мощно развивается.

Предсказать однозначно её итоги сложно, но в принципе сейчас всё выглядит так, что у китайцев есть неплохие шансы на победу, хотя гарантированной её не назовёшь.

РОЛЬ РОССИИ ВЕЛИКА. Потому что мы вместе с Ираном рушим любые перспективы для сосредоточения сил США на Тихом океане. И РФ — единственная на планете крупная технологическая держава, которая продолжает сотрудничать с Китаем без оглядки на Соединённые Штаты. Причём это сотрудничество важно и в гражданском секторе. Ведь в нём для китайцев до определённого момента было характерно высочайшее и недостаточная заинтересованность. Но сейчас многое изменилось. Начиная с 2019 года, после того как они получили от американцев чувствительный тычок, их поведение на нашем рынке меняется.

У "Хуawei" с нашими университетами подписано большое количество соглашений о сотрудничестве, идёт расширение инженерных центров в России, китайцы заказывают много НИОКР... То есть даже за пре-

делами традиционных сфер типа атомной и военной у нас появляются некие перспективы, потому что, даже если у вас есть свой хороший потенциал, вам важно иметь интернациональную команду для конкуренции представителей разных школ. Везде, кроме России, им кислород активно переключают. И мы должны видеть в этом возможности для нашей страны: добиться, где возможно, локализации производств, надёжно войти в китайские производственные технологические цепочки и в то же время по возможности сохранить разумный объём связей с Западом, чтобы видеть, что делают они.

Хотел бы отметить, что не стоит идеализировать китайскую внешнеполитическую практику. Поднебесная — это страна, которая развила и сейчас уже формализовала мощнейший санкционный инструмент внешней политики, имеется и теоретическая литература по этой проблеме. Китайцы очень активно и довольно жёстко применяют односторонние санкции в качестве возмездия за нарушение того, что называют своими коренными интересами в вопросах, связанных с политическим режимом, территориальной целостностью, независимостью и так далее.

С их стороны была мощная санкционная кампания в отношении Южной Кореи за размещение американских систем ПРО. И эта кампания оказалась весьма успешной. Сейчас идёт примерно такая же санкционная кампания против Австралии. Но эта кампания, наоборот, провалилась с точки зрения достижения политических целей. Были определённые операции с применением мер экономического принуждения против некоторых европейских стран. То есть китайцы применяют санкции согласно определённой теории. Это в корне отличается от американского подхода. Тем не менее надо учитывать, что пока китайцы их применяют избирательно, когда затронуты их жизненно важные интересы, а дальше им может слишком понравиться и в этом направлении начнутся более активные действия.

У них, как уже отмечалось, действительно происходит становление, попытка сформировать идеологическое послание для мира после длительного периода, когда китайцы концентрировались лишь на экономике. Они действительно делают первые шаги в этом направлении, пока с переменным успехом. Такие концепции, как "Сообщество единой судьбы человечества" содержат мощные позитивные моменты, связанные с признанием ценности разнообразия, именно с акцентом на то, что не должно быть навязываемой Западом унификации всех под ценности и правовые нормы какой-то одной страны.

Определённые идеологические искания шли и в самом Китае. Там, на мой взгляд, идеология КПК во многом искусственная, и некоторые её аспекты трудно воспринимать всерьёз. Это отвлечённые конструкции, которые призваны были формализовать, обосновать те или иные элементы внутренней экономической политики.

Самым живучим элементом идеологической платформы остаётся китайский патриотизм и национализм. У КПК есть проблемы с тем, чтобы сформировать привлекательные идеи для завоевания умов и сердец за пределами Китая. Сейчас на волне столкновения с США работа в этом направлении оживилась. Конечно, когда появляется новая угроза, на неё нужно реагировать. Но идёт захим дискуссий, и люди, которые говорили открыто, сейчас боится высказываться. И это — сложный момент в идеологической работе. На определённом этапе они будут пытаться его преодолевать. И это — долгая борьба, а сейчас всё выглядит не слишком радужно.

*AUKUS — акроним, образованный по составу участников Australia, United Kingdom, United States

На фото: НОАК на военно-морской базе в Гонконге. Июнь 2019. (Рейтер: Тайрон Сиу)

Андрей ВИНОГРАДОВ Эпоха ПЕРЕМЕН

Есть ли цивилизационная альтернатива Западу?

ХОТЕЛОСЬ БЫ коротко поделиться некоторыми мыслями относительно того, что будет с миром и с Китаем и как следует оценивать современную эпоху.

Во-первых, мне думается, что для Китая социализм был альтернативой вестернизации. В конце XIX — начале XX века он столкнулся с угрозой вестернизации, которая по своей природе была капиталистической. Поборить её, преодолеть сам Китай не смог и поэтому во внешнем мире увидел социализм именно как альтернативу капиталистической вестернизации. Таким образом, с самого начала социализм в Китае был окрашен китайской спецификой. Понимание этого вызревало в Китае не только на политическом, но и на теоретическом уровне. В 1938 году Мао Цзэдун заявил о необходимости китаизации марксизма, в 1982 году Дэн Сяопин провозгласил строительство социализма с китайской спецификой, при Ху Цзиньтао уже в XXI веке было внесено новое уточнение: общественный строй в Китае стал называться специфический китайским социализмом, отдалёлся и обретая всё большую самостоятельность относительно европейского прообраза. Во время торжеств, посвящённых столетию Коммунистической партии Китая (КПК) Си Цзиньпин заявил о строительстве в Китае нового типа цивилизации. Это ещё более высокий уровень суверенности. Мне кажется, что провозглашённая им "китайская мечта" заключается в принципиальной альтернативности западному пути развития, которая обрела, наконец, такую теоретическую форму.

Слово "социализм", фигурировавшее во всех партийных документах и программных целях КПК, долгое время уводило нас несколько в сторону. Казалось, что Китай действительно "встал на рельсы социализма" в европейском, марксистском понимании. На самом деле он последовательно перебирал и использовал достижения западной цивилизации: сначала он заимствовал достижения социалистической мысли, а затем ещё и достижения капиталистической экономики. В этой инверсии — его специфика, отражающая сущностную целостность китайской цивилизации.

Уже в 1992 году в КНР объявили, что китайская экономика будет рыночной. Почему рыночной? Потому что рынок — это оптимальный способ распределения ресурсов.

НО ЭКОНОМИКА в Китае — не главное. И это мой второй тезис. Думаю, что экономический подход, экономический детерминизм как универсальная методология общественных наук — это продукт последних 400 лет, когда Европа вырвалась вперёд, и сделала это, прежде всего, за счёт экономического развития, точнее, промышленного, индустриального развития. Поэтому экономический детерминизм на протяжении последних 400 лет определял наше развитие, основные направления всей человеческой цивилизации. Но когда мы говорим о современном Китае, то уже ясно, что основные, магистральные пути определяются не экономикой, а государством, главной ценностью которого является идентичность, а не рост.

Когда на рубеже 1980-х Дэн Сяопин начинал экономические реформы, он принимал политическое решение. То, что сейчас происходит в Китае при Си Цзиньпине, — это усиление государства. Мы видим, что при усилении государства, в том числе его экономических функций, его эффективность, в том числе экономическая, не снижается, а растёт. Это противоречит всему, о чём нам говорили последние десятилетия как о базовых принципах — что рынок всё решит сам, всё расставит по своим местам, что рынок сам определит оптимальный порядок. Мне кажется, этот переход от экономического детерминизма к государственному и культурному — один из поворотных моментов для истории цивилизации в целом.

Ранее китайцы не озвучивали, но думаю, всегда держали это в уме, а сейчас говорят открыто: "У нас есть принципиальная альтернатива западному миру". Конечно, Китай ближе к социалистическим взглядам, потому что социализм ближе традиционному обществу с другой системой ценностей, чем современному либеральному. В этом смысле "китайский социализм" это ещё и способ преодолеть цивилизационный барьер, войти в западную систему координат, стать понятнее для западного человека.

Есть ещё один очень важный момент, который характеризует нашу эпоху. Вообще, понятие "характер эпохи", который активно и успешно используют в Китае, это марксистская категория. Не отдельная страна, не совокупность всех государств, а весь мир в целом, всё человечество переживает переходный период. Главное условие успешного завершения переходного периода — сильная идентичность. Если мы посмотрим на западный мир, на Соединённые Штаты, на Западную Европу, то увидим разрушение идентичности. Ведь толерантность, выяснения-разборки "либеральный" — нелиберальный" — это и есть разрушение идентичности. Толерантность — это стирание граней, привычного нам порядка и, как следствие, наступление хаоса. Западный мир, который на протяжении 400 или даже 500 лет вёл за собой, рассыпается. Он не сможет в таком виде перейти в новое состояние, в которое переходит наш мир, он может перейти только в виде материала, который нужно будет заново собрать и организовать.

Китай — практически единственная страна, которая не разрушает идентичность, а создаёт её. Это проявляется и в так называемой системе социального кредита или социального рейтинга, о чём шла речь в рамках обсуждения общей темы, — очень важным, магистральным направлением развития. Мир, как бы ни критиковал и ни ругал китайскую систему за ограничение прав и свобод человека, в действительности сам к этому возвращается — к ограничению. Во всех странах, критикующих Китай за попарение свобод, сейчас стоят видеокамеры, действует система распознавания лиц; посещение мероприятий, магазинов, транспорта возможно только по QR-кодам и так далее. Получается, что это уже универсальная норма, отражающая требования современной технологической цивилизации и использование ею своих достижений.

СМОЖЕТ ЛИ КИТАЙ создать модель, которая будет самодостаточной? Это главная проблема для развития Китая. Ведь кроме военного, единственного ресурс, который остался у Соединённых Штатов — это научно-технологический, фундаментальная наука. А Китай в этой области пока ещё серьёзно отстает и очень хорошо это понимает.

Последнее время в Китае лижут о том, что Китай не является религиозной цивилизацией. Вот западная цивилизация, как известно, — это религиозная, христианская цивилизация, а Китай религиозной цивилизацией никогда не был. Именно потому, что западная цивилизация религиозна, сердцем западной цивилизации является божественный акт творения. В китайской цивилизации этого нет. Если посмотреть на развитие мировой науки и техники, мы увидим, что китайцы — мастера всё совершенствовать. Если они знают, как делать автомобили, можете не сомневаться, что через десять или двадцать лет они сделают легковую машину лучше, чем японцы или немцы. Но разорвать такни мироздания, создать нечто принципиально новое, сделать фундаментальное открытие китайцы не могут, во всяком случае, у них нет такой традиции, развитие традиционного Китая шло в русле принципиальной эволюционности. И если Китай не сможет преодолеть этот цивилизационный недостаток, ему будет крайне сложно в XXI веке претендовать на ведущую роль в мире. На сдерживании научно-технического развития Китая построена политика США в последние годы. Здесь пролегал основная линия противостояния не только Соединённых Штатов и КНР, но и техногенной цивилизации и цивилизации культуры, которые должны найти способы взаимодействия. Как только эти способы будут найдены, очередная переходная эпоха в истории цивилизации закончится.

Василий КАШИН КТО КОГО?

Соперничество США и Китая в военной сфере

миллиардов долларов. Если посмотрим на это несколько пристальнее и примем во внимание все прочие детали, ситуация начнёт выглядеть уже менее однозначной. Прежде всего, если мы учитываем паритет покупательной способности, то этот разрыв уже сокращается и составляет соотношение примерно в полтора раза. В китайском военном бюджете не учитываются затраты на содержание резервных компонентов вооружённых сил и на научно-исследовательские и конструкторские работы (НИОКР), за исключением тех, что проводятся силами китайской армии. То есть учитываются только серийные закупки, но не НИОКР.

Интересна и структура расходов. Американцы оказались в некотором роде пленниками своих многочисленных имперских обязательств. Главными компонентами их военных расходов являются содержание сети внешних баз и операции за рубежом. Соответственно, в большом военном бюджете Соединённых Штатов на закупки уходит отведёно около 23%, на НИОКР тратится 12–13%. А судя по тому, что известно о китайском бюджете, там только на закупки тратится более 40%. Нет точных данных о масштабах их затрат на НИОКР, но они очень велики, и, вероятно, ещё прибавляется 15–20% к тому, что китайцы тратят на развитие. Судя по всему, на это они тратят вдвое большую долю своего военного бюджета, чем США. К тому же для американцев ситуация ухудшается в связи с разросшимся их вооружённых сил по всему миру, неспособностью сконцентрировать их на постоянной основе против основного противника, то есть в западной части Тихого океана.

Ведь как выглядит любой вероятный конфликт в этом районе? Китай, который имеет все свои силы на своей территории, сконцентрированные в основном в восточной части страны, может осуществить военную акцию в отношении Тайваня или в Южно-Китайском море, или в Восточно-Китайском море, но Соединённым Штатам, чтобы дать на это ответ, даже при их превосходстве необходимо стянуть для этого в регион достаточные силы. С каждым годом, по мере развития китайцами их военных возможностей, время, которое им нужно, например, для захвата Тайваня, сокращается, а время, которое должны потратить американцы на сосредоточение сил, увеличивается.

Ещё один важный фактор, который влияет на долгосрочное соперничество, — промышленный. Уже с 2015 года американцы отмечают, что темпы строительства новых боевых кораблей для китайского флота, если речь о надводных кораблях, примерно вдвое выше, чем темпы строительства новых боевых кораблей для американского флота. Почему? Потому что, как говорил великий американский военно-морской стратег адмирал Альфред Мэхэн, любая военно-морская мощь — это продолжение коммерческой морской мощи. Действительно, трудно построить мощную морскую державу, не имея сопутствующих гражданских отраслей.

Соединённые Штаты в какой-то момент решили, что к ним это не относится, и убили своё гражданское судостроение — такой отрасли в США не существует. Там есть мощный военный судостроительный комплекс, который иногда строит единичные сложные гражданские корабли. А Китай, наряду с Южной Кореей и Японией, — это один из главных центров гражданского судостроения. К тому же наиболее крупный, что резко снижает издержки при строительстве мощного военного флота, позволяет перераспределять ресурсы, рабочую силу, оборудование. То есть это даёт мощный мультиплицирующий эффект.

НЫНЕШНЕЕ соперничество — главным образом военно-морское. Примерно в восьмидесятых годах прошлого века произошла революция в том, как Китай воспринимает себя в качестве военной дер-

ПЕРВОЕ — технологическое. При Обаме США придумали так называемую третью стратегию компенсации. Это инвестиции в несколько ключевых направлений науки и техники, где у них было превосходство, чтобы добиться прорыва и нивелировать китайские достижения. Это искусственный интеллект и ряд других направлений. Одновременно, ещё при Обаме, они стали перекрывать китайцам доступ к иностранным технологическим достижениям. Такая работа шла, но вскоре была подорвана внутренним хаосом в США: пришёл Трамп, часть инициатив остановилась, часть людей была уволена. Но многое продолжалось даже при Трампе и ускоряться сейчас.

Некоторые из инициатив сейчас уже выходят на финишную прямую. В частности, из-за этого Соединённые Штаты не продолжили с Россией договор о ракетах средней дальности. Сейчас мы видим, как США начинают испытывать эти антикитайские ракеты разных типов. К примеру, американскую гиперзвуковую ракету, планируемую к развёртыванию не позднее 2023 года. И так далее. Всё это начинает двигаться, но не факт, что данная технологическая ставка сработает, потому что китайцы очень быстро парируют действия американцев. Они создали орган под руководством Си Цзиньпина — комиссию по интегрированному военно-гражданскому развитию, и начали вкладывать в оборону огромные ресурсы.

Второе направление — это усиление взаимодействия с союзниками. Реализация — создание блока AUKUS*. У китайцев главная слабость — это остальные технологии в сфере подводного оружия, подводного военного кораблестроения. Тот факт, что Австралия на свои деньги будет содержать восемь атомных подводных лодок, — это сильное изменение баланса, это разумный ход. Вслед за этим Япония начинает говорить, что тоже будет строить атомные подводные лодки. Здесь, конечно, есть издержки для американцев, потому что, когда эти союзники достарут до определённого уровня, у них может возникнуть вопрос: зачем им США. Но пока это работает.